

DOI 10.37279/2413-1741-2020-6-3-44-60

УДК 904'18(477.75)"08/10"

ЛОЩЕНАЯ КЕРАМИКА САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА. АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

Майко В. В.

*Институт археологии Крыма РАН
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru*

Рассматривается лощеная сероглиняная керамика салтово-маяцких памятников Крыма. Датируется она периодом существования данной археологической культуры полуострова в рамках середины VIII – первой половины X веков. Эта категория посуды неоднократно становилась предметом специальных исследований, но целиком ни разу не обобщалась. На основании преобладания этой посуды на салтовских памятниках, оставленных аланами, в Таврике, она традиционно связывается с этим этносом. В керамических комплексах салтовских памятников полуострова эта посуда составляет незначительный процент. Выделены основные её морфологические группы, хронология бытования которых, не всегда совпадает, и сделан вывод о том, что не все категории этой керамики можно сопоставлять с аланами.

Ключевые слова: салтово-маяцкие памятники Таврики, лощеная керамика, типология, хронология, территория распространения.

Своеобразной чертой керамического комплекса праболгар Таврики является присутствие небольшого количества лощеной столовой посуды. Последняя является одним из отличительных признаков, прежде всего аланских вариантов салтово-маяцкой культуры. Эта керамика Крыма за последние 30 лет не раз становилась предметом пристального внимания специалистов [3, с. 100–101; 16, с. 49–54; 13, с. 193–196; 24, с. 240–245; 9, с. 64–67; 25, с. 453–464;]. Детально рассматривался набор форм Таманского полуострова [2, с. 173–211; 42, с. 195–201; 43, с. 507–508] и степного Подонья [12, с. 99–152], что избавляет от повторений. Подчеркнем только, что в одной из последних работ В.С. Флёров, посвятивший этой категории керамики ряд специальных исследований [35, с. 94–102; 36, с. 170–181], вновь вернулся к теме технологии её изготовления. Автор справедливо отмечает трудности при анализе технико-технологических приемов изготовления подобных сосудов, связанные с наличием т.н. «слоя под лощение» уничтожающего следы первоначальной технологической обработки [39, с. 111–112]. Результатом исследований явился важный вывод о том, что производство лощеной столовой керамики у алан Подонья не вышло за рамки домашнего производства и «запаздывало» по отношению к производству кухонной посуды. Это объясняется стремлением сохранить традиционные способы производства и формы посуды, стремлением, которое не столкнулось с потребностями рынка [39, с. 117]. Это положение чрезвычайно актуально при анализе лощеной керамики Таврики, где наличие лощеной посуды не связано с импортом. Тем не менее, в настоящий момент накопился определенный

материал, позволяющий не только дополнить типологию, но и пересмотреть выводы о хронологии сосудов. Это в дальнейшем позволит конкретизировать суждения и об этническом составе крымских салтовцев.

На наш взгляд современная типология лощеной керамики салтовской Таврики может выглядеть следующим образом.

Тип I – кувшины. В литературе утвердилось мнение, высказанное еще И. А. Барановым о том, что это наиболее разнообразная категория лощеной керамики, с трудом поддающаяся типологизации [3, с. 100–101]. Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении материалы, позволяют разделить сосуды на три достаточно стабильных варианта. *Вариант Ia* – приземистые кувшины с грушевидным туловом, невысокой шейкой и широким дном. В основном они различаются шириной дна, месторасположением плечиков в нижней части тулова и «вытянутостью» пропорций. На небольшом экземпляре из юго-восточного Крыма, на дне которого присутствует клеймо в виде креста, а на шейке – граффито (рис. 1, 1), ширина дна практически соответствует ширине плечиков, расположенных максимально близко к дну. Носик слива удлинен. Кувшины из Тау-Кипчака (рис. 1, 2) и Емельяновки (рис. 1, 3), богато украшенные лощеным орнаментом и «гусеничными» наколами, более вытянутых пропорций, плечики выражены ярче и подчеркнуты врезными горизонтальными линиями. О характере носиков слива судить сложно. Кувшин из Журавок (рис. 1, 6) и кургана 7 курганной группы у с. Дальнее [10, с. 60, рис. 29, 4], наиболее крупные из этой категории, имеют тулово, приближающееся к яйцевидному, плечи покатые, но всё равно расположенные в нижней части тулова. Горло, судя по всему, более широкое. По морфологии с этими последними сосудами близок экземпляр, обнаруженный в ходе раскопок городища Вишенное (рис. 1, 7), покрытый сплошным лощением без каких-либо орнаментальных мотивов. В отличие от остальных кувшинов технологически он менее совершенен с чем, возможно, и связано отсутствие орнаментации. Крупные фрагменты кувшинов этого варианта, известны и в раннем горизонте середины – второй половины VIII в. Тепсеньского городища (рис. 1, 9–11). О полном профиле, исходя из сохранности, судить сложно. Условно, к этому варианту можно отнести и небольшой кувшин, так же из материалов раскопок указанного городища (рис. 1, 5). Правда, он существенно отличается шириной венчика и практически полным отсутствием горла. Тем не менее, тулово близко к грушевидному и дно такое же широкое. На экземпляре присутствует сплошное лощение без каких-либо орнаментальных мотивов.

Вариант Ib – образует единственный кувшин из материалов раскопок городища Вишенное¹. Благодаря крупным фрагментам тулова подобных сосудов, найденных в раннесредневековых горизонтах Тепсеньского городища и средневековой Сугдеи, можно, предварительно говорить о правомочности выделения самостоятельного варианта. Он характеризуется ярко выраженной «яйцевидностью» тулова и расположением плечиков примерно по его центру, придающим сосуду стройные вытянутые пропорции. Дно достаточно узкое, а

¹ Выражаю глубокую признательность Ю. П. Зайцеву за возможность ознакомиться с результатами его раскопок.

шейка – высокая. Из материалов городища Тиритака происходит венчик кувшина с воронковидным горлом, отличающимся от всех проанализированных выше экземпляров (рис. 1, 8). Говорить о каком-либо новом варианте, исходя из сохранности, преждевременно.

Рис. 1. Лощеные кувшины типа I салтово-маяцких памятников Таврики.

1 – Почтовое [профиль по 46, с. 81, рис. 49, 7]; 2 – Тау-Кипчак; 3 – Емельяновка; 4, 7 – Вишенное; 5, 9-11 – Тепсень, 6 – Журавки; 8 – Тиритака [по 9, с. 187, рис. 49].

Вариант 1в – крупные кувшины с яйцевидным туловом, широкой высокой шейкой и слабо выраженным носиком слива. Сосуд из материалов раскопок поселения Тау-Кипчак (рис. 2, 1) и Тепсеньского городища (рис. 2, 2) отличаются только наличием пояса «сетчатого» лощения по центру тулова у первого. К этому варианту можно условно отнести и меньший по размерам кувшин с «ойнахойевидным» туловом из раскопок поселения Тау-Кипчак (рис. 2, 4). Верхняя часть тулова украшена «сетчатым» орнаментом, по центру дна присутствует клеймо в виде маленького крестика.

И. А. Барановым подчеркивалось, что все кувшины этого типа характерны для раннего этапа салтово-маяцкой культуры Крыма [3, с. 101]. И это действительно так. Практически все экземпляры происходят либо из случайных находок (рис. 1, 1), либо из тризн и разрушенных праболгарских погребений крымской степи первой половины VIII в. (рис. 1, 3, 6), либо из синхронных горизонтов поселения Тау-Кипчак (рис. 1, 2) и городища Вишенное (рис. 1, 4, 7). В ранних горизонтах городища Тепсень (рис. 1, 5, 9–11) и городища Тиритака (рис. 1, 8) второй половины VIII в. они встречены уже только в виде фрагментов. В стратифицированных горизонтах Сугдеи второй половины VIII – первой половины IX вв. это только единичные фрагменты подобных кувшинов, в горизонтах второй половины IX – первой половины X вв. – они единичная естественная примесь снизу.

Тип II – кружки. Объединяет, в отличие от кувшинов, действительно морфологически разные формы, которые роднят только небольшие размеры и наличие одной массивной по отношению к тулову петлевидной ручки. Выделять какие-либо варианты или, даже, группы – преждевременно. У кружки из Херсонеса яйцевидное тулово с небольшим почти округлым дном и широкое горло с отогнутым венчиком (рис. 3, 1). Вероятно, аналогичное тулово и у кружки из Тепсения, округлый профилированный венчик которой плавно отогнут (рис. 2, 6). Тулово кружки из Керчи ближе к грушевидному, а высокий венчик – едва заметно отогнут (рис. 3, 2). Кружка из раскопок северо-крымской экспедиции (рис. 3, 3) имеет аналогичный венчик, но еще более ярко выраженное грушевидное тулово. Тулово кружки из Тиритаки (рис. 3, 4) совершенно аналогично кувшинам варианта Ia, а высокий венчик плавно отогнут.

О хронологических рамках существования кружек судить сложно, вероятно, они характерны для всего периода существования салтово-маяцкой культуры полуострова

Тип III – кубышки. Хорошо выделяемый стабильный тип, представленный в настоящий момент пятью целыми формами. Тулово у кубышек из некрополя Конрат (рис. 3, 8) и Тепсения (рис. 3, 10) аналогично кувшинам варианта Ia, венчик прямостоящий или слегка плавно отогнутый. Такова же форма и миниатюрной кубышки с Тепсения (рис. 3, 5). У кубышки из тепсеньского погребения, имеющей клеймо на дне в виде креста (рис. 3, 7) и Тиритаки (рис. 3, 9) при сходных морфологических показателях, тулово ближе к яйцевидному. Остановимся на их анализе, а, главное, на существующих аналогиях, подробнее.

Специалистам хорошо известно, что кубышки в керамическом комплексе салтово-маяцких поселений Таврики чрезвычайно редки [24, с. 240–245]. При этом

важно отметить, что две кубышки их пяти (рис. 3, 7, 8) зафиксированы в качестве погребальной посуды. Это пока единственные примеры нахождения салтовской лощеной керамики в некрополях оседлого салтовского населения полуострова. Напомним, что Тиритакская кубышка, как и кубышка из погребения 2 могильника Конрат, имела две петлевидные ручки.

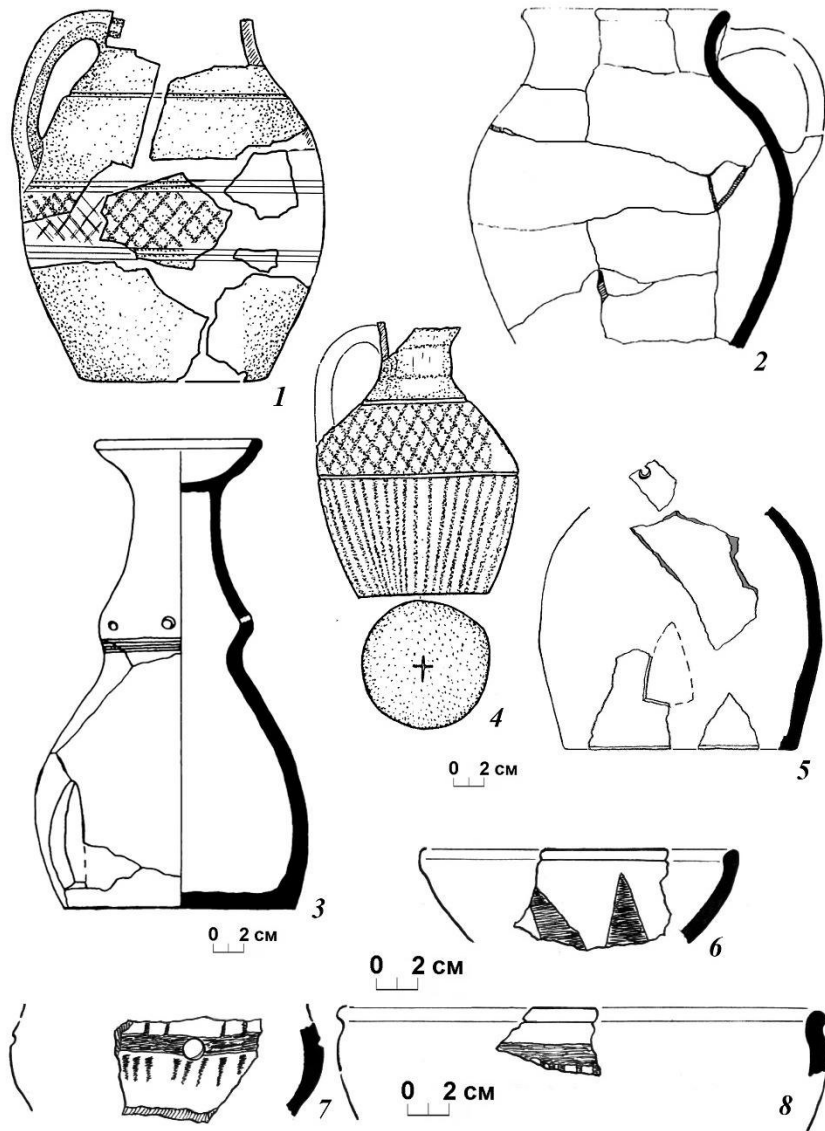

Рис. 2. Лощеные кувшины типа II, светильники и миски салтово-маяцких памятников Таврики.

1,4 – Тау-Кипчак; 2,3 – Тепсень; 5-8 – Сугдея.

Примерно в таком же ассортименте кубышки найдены в сопредельных регионах – на Таманском полуострове [22, с. 173–211; 41, рис. 10, 8–13; 42, с. 195–200, рис. 110–112; 43, с. 174–187, рис. 117–125]. К числу редких находок кубышки относятся и на памятниках основного ареала салтово-маяцкой культуры. Большей частью они найдены в катакомбных могильниках бассейна Северского Донца [19, с. 118; 37, с. 190, рис. 22; 40, с. 167–172, рис. 9–11; 1, рис. 8, 3; 26, табл. 5; 45, с. 342, табл. I, 6; IV, 3; 11, с. 69, 74, рис. 4, 3, г; 6, 6, г; 44, с. 115, рис. III, 2; 33, с. 218; 32, с. 302, 304, рис. 4, 2; 5, 7; 34, с. 365; 23, с. 287]. В зависимости от наличия или отсутствия у кубышек ручек С. А. Плетнёва разделила их на два типа [21, с. 136]. В отдельную форму кубышки с двумя ручками выделил В.С. Флёров [36, с. 170]. В. А. Сарапулкин выделил кубышки с ручкой в отдельный вид и разделил его на типы, в зависимости от места их крепления [27, с. 49–50]. Совершенно иной точки зрения придерживается К. И. Красильников, который причислил к ним только сосуды без ручек [12, с. 115]. Дискуссионным остается и функциональное назначение кубышек. По мнению К. И. Красильникова, они предназначались для «погребальной ритуально-обрядовой практики» [11, с. 77; 12, с. 115], но, на наш взгляд, это утверждение излишне категорично. Как совершенно справедливо отметил В. С. Флёров, о назначении этих сосудов можно только догадываться. Учитывая их небольшую вместимость, в них могли храниться лекарственные средства, пряности и иные пищевые добавки, употреблявшиеся в небольшом объеме. Женщины могли использовать их для хранения мазей и украшений [40, с. 167].

Датировать кубышки можно уверенно всем периодом существования салтово-маяцкой культуры полуострова. В погребении 2 некрополя Конрат (рис. 3, 8) кубышка зафиксирована в комплексе второй половины IX – начала X вв. [15, с. 294–309]. Этим же временем датируются и две, происходящие из культурного слоя кубышки городища на плато Тепсень (рис. 3, 5, 10).

Единичной, пока, формой представлен кувшин с баночным туловом и относительно широкой шейкой из материалов Тиритаки (рис. 3, 11). В целом эта форма подобна некоторым вариантам ойнахой баклинского типа. Однако отличается более широкое дно.

Тип IV – горшки-корчаги. Объединяет многочисленные сосуды с конусовидным туловом, плечики которых расположены в верхней его части. Горло практически отсутствует, каплевидный венчик хорошо выделан и отогнут. В большинстве случаев корчаги формованы из серой глины и украшены лощеным вертикальным орнаментом с петлевидными уплощенными и подовальными в сечении ручками, в свою очередь украшенными лощеными поперечными полосами. Для полуострова керамика этого типа шире всего представлена в Сугдее (рис. 4, 4, 7–13). Меньше её на Тепсене (рис. 4, 1, 3) и только отдельные крупные фрагменты верхних частей встречены на поселениях, например Героевском (рис. 4, 2, 6) и в Керчи (рис. 4, 5).

За пределами полуострова в последнее время целые формы подобных корчаг с яйцевидным и шаровидным туловом были получены при исследованиях уникального по богатству материала салтово-маяцкого поселения Гора Чиркова I на

Таманском полуострове [31, с. 238, рис. 7, 4; 30, с. 298, рис. 8, 4]. Авторы отметили их преобладанием на памятниках Подонья и, особенно, бассейна Северского Донца. Однако, в целом для памятников аланского варианта этой культуры они хотя и типичны, но встречаются реже, чем в Крыму и на Тамани. На памятниках Таманского полуострова, они действительно представлены хорошо. Помимо собственно поселения Гора Чиркова 1, они известны благодаря раскопкам Таматархи [18, с. 40, рис. 25, 4, 5; 42, с. 195–200], поселения Артющенко I [6, с. 80, рис. 5], городища Кепы [29, с. 110–111, рис. 7, 4; 41, с. 493, рис. 10, 8]. На Тамани одна из наиболее представительных коллекций горшков-корчаг происходит из раскопок Фанагории. Она представлена множеством крупных фрагментов профильных частей и всего двумя археологически целыми формами. В.Н. Чхаидзе, исходя из фрагментарности материала, разделил их всех на горшки, собственно корчаги и пифосы [43, с. 507, рис. 117, с. 508, рис. 118, с. 124, рис. 124]. На наш взгляд, большая часть из них относится именно к анализируемым сосудам.

По материалам раскопок Дмитриевского могильника С. А. Плетнёва разделила эти сосуды на три типа, в основу которых были положены их размеры, прежде всего соотношение параметров тулова [21, с. 137], с чем согласились и другие специалисты [27, рис. 35, 1–10]. Все выделенные исследовательницей типы справедливо последовательно соотносились с т.н. салтовскими пифосами в направлении подобия морфологии тулова и венчика. На наш взгляд наиболее верным критерием для типологии должна быть не столько морфология тулова, сколько профилировка венчика. Отметим, что у всех горшков-корчаг типа 3 по С. А. Плетнёвой с яйцевидным, а, скорее, конусовидным туловом венчики хорошо выделаны и отогнуты, а у сосудов варианта 1 и 2 чаще встречается слегка отогнутый уплощенный венчик. Подчеркнём ещё раз, что все Сугдейские экземпляры по типологии С. А. Плетнёвой относятся к типу 3, который морфологически наиболее подобен салтовским пифосам.

По мнению В. Н. Зинько и Л. Ю. Пономарёва подобные корчаги, обнаруженные в Крыму, являются местным подражанием лощеным привозным сосудам [8, с. 153], что выглядит очень правдоподобно. С. А. Плетнёва и И. А. Баранов связывали их появление с влиянием соответственно Волынцевской и Пастырской культур [19, с. 121; 3, с. 101], не доказывая это какими-либо конкретными примерами. И в одной, и в другой культуре подобные формы неизвестны. Тем не менее, хорошо известно, что одним из отличительных признаков Волынцевской археологической культуры является присутствие в керамическом комплексе т.н. гончарных горшков волынцевского типа прямостоящим венчиком. Пропорции их и лощеная орнаментация действительно очень близки горшкам-горчагам с яйцевидным туловом. Отличия заключаются в наличии у последних петлевидных ручек и хорошо выделенного у некоторых экземпляров отогнутого венчика. В случае же наличия у горшков-корчаг уплощенного слегка отогнутого или прямостоящего венчика, как, например, из раскопок Фанагории [43, с. 508, рис. 118, 6], сопоставление с гончарными горшками

волынцевского типа становится аргументированным. Причины этого ещё предстоит выяснить. Закрытые комплексы и стратиграфические горизонты Сугдеи однозначно свидетельствуют о том, что эта категория лощеной посуды появляется не ранее середины IX в. и активно бытует до конца существования салтовской культуры полуострова.

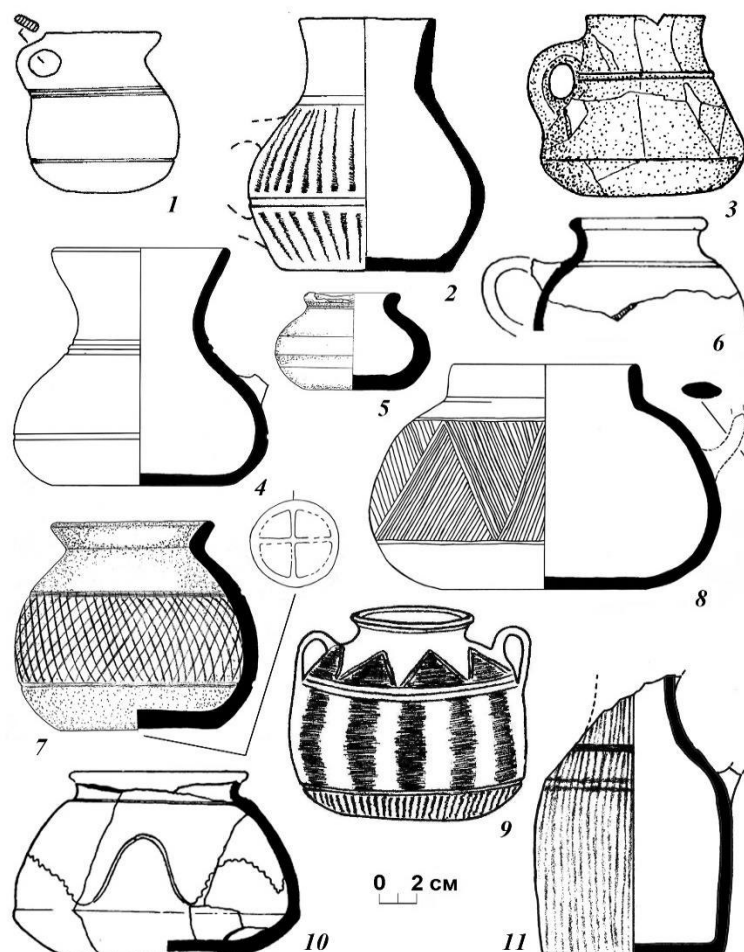

Рис. 3. Лощеные кружки, кубышки и кувшин салтово-маяцких памятников Таврики.

1 – Херсонес [по 46, с. 81, рис. 49, 5]; 2 – Керчь; 3 – Северный Крым; 4, 11 – Тиритака [по 9, с. 248, рис. 120; с. 196, рис. 61]; 5, 7 – Тепсень [по 4, рис. 17, 2; 5, рис. 18]; 6, 10 – Тепсень; 8 – могильник Конрат; 9 – Тиритака [по 7, с. 130, рис. 164].

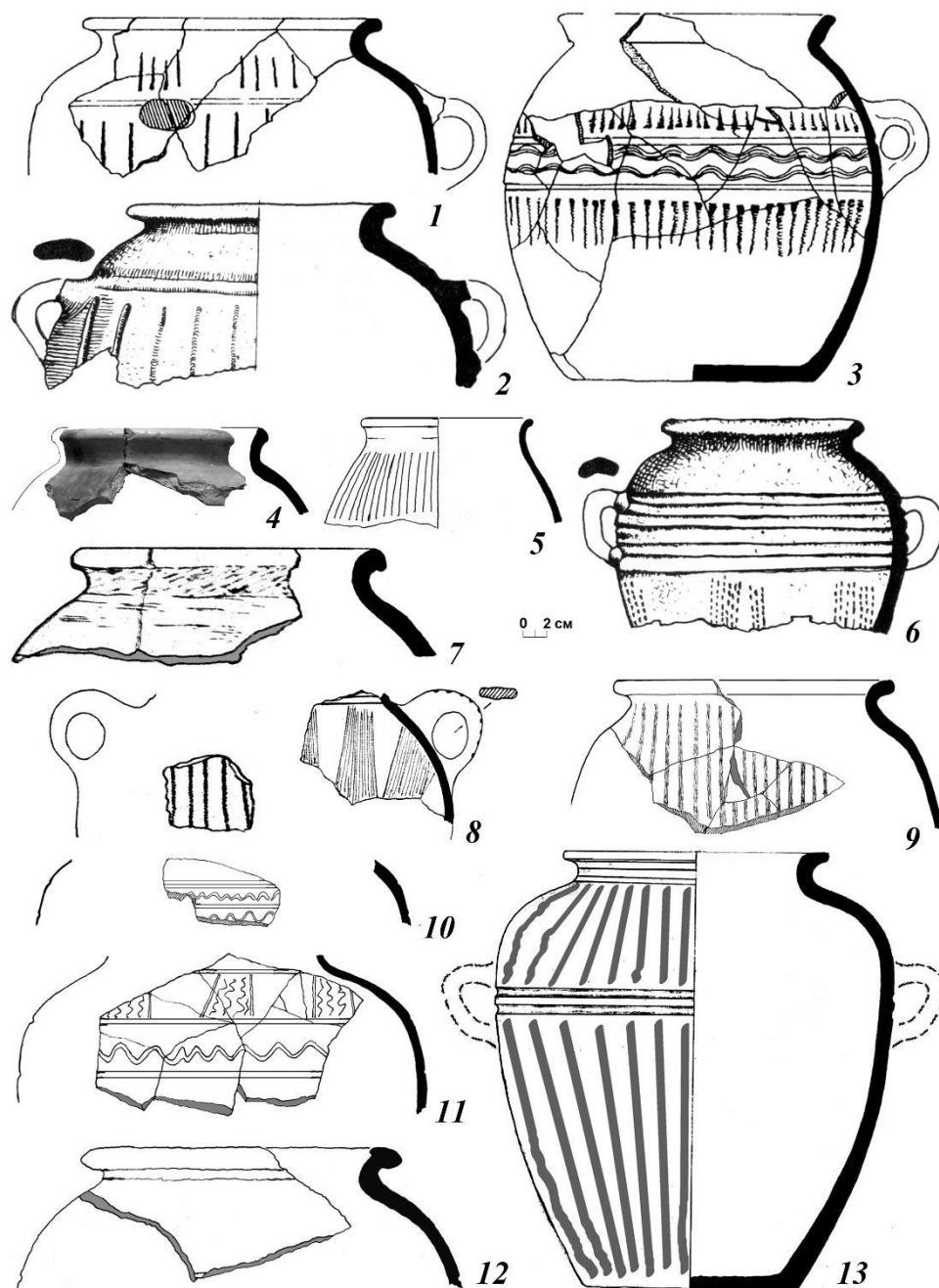

Рис. 4. Лощеные горшки-корчаги салтово-маяцких памятников Таврики.
1,3 – Тепсень; 2,6 – Героевское [по 3, с. 100, рис. 35, 6,9]; 4,7–13 –
Сугдея; 5 – Керчь.

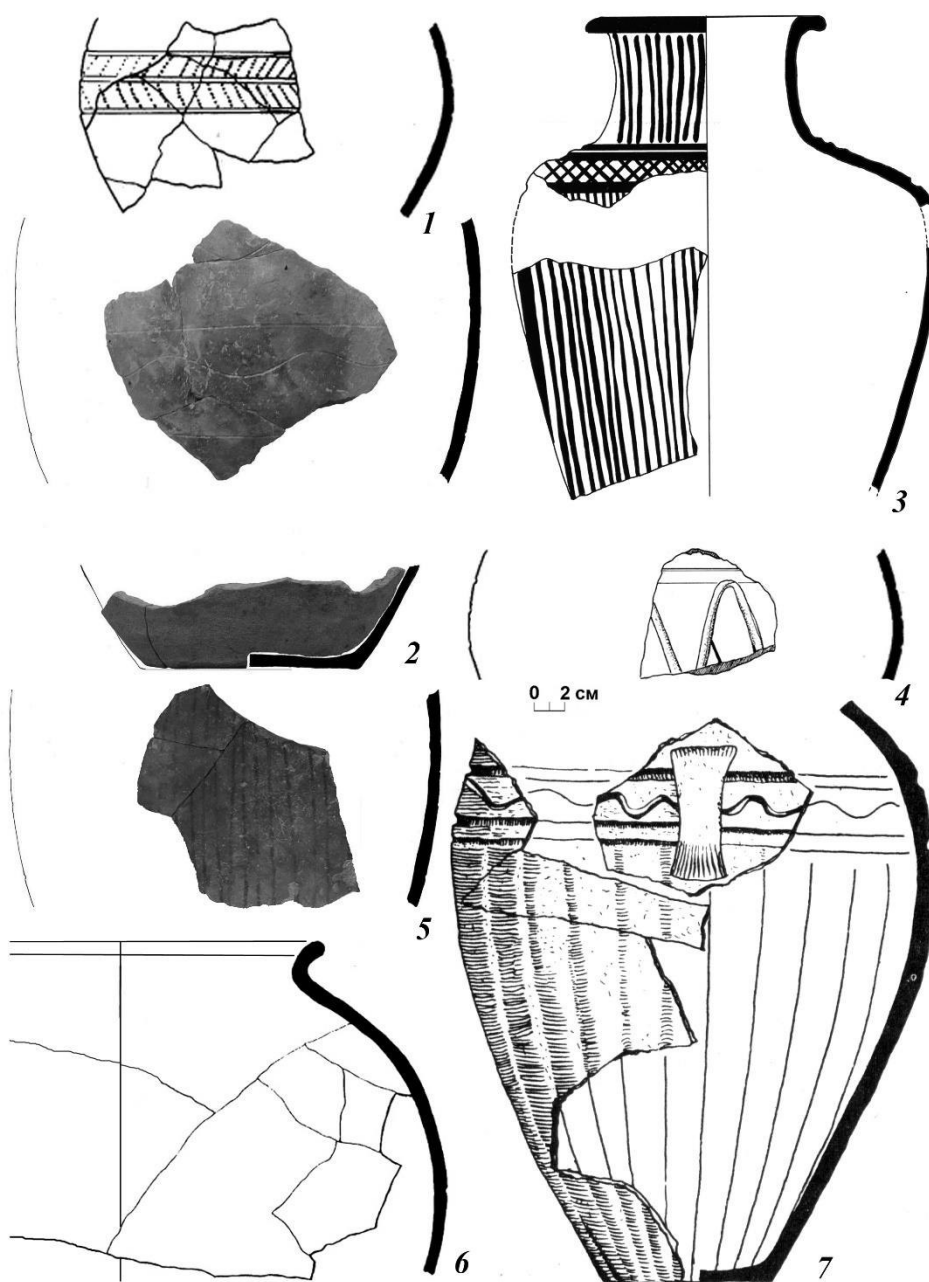

Рис. 5. Лощеные пифосы салтово-маяцких памятников Таврики.
1,2,6 – Тепсень; 3 – Тиритака [по 9, с. 210, рис. 82]; 4,5 – Сугдея; 7 –
Кордон-Оба [по 3, с. 100, рис. 35, 7].

Тип V – салтовские пифосы. Это крупные сосуды с конусовидным туловом, максимально высоко расположенными плечами, практически без шейки, с плавно отогнутым, хорошо проработанным каплевидным венчиком. Отличает их от предыдущего типа только размеры и несколько другая система орнаментации. Несколько фрагментов, позволяющих частично реконструировать тулово, происходят из материалов Тепсеньского памятника (рис. 5, 1, 2, 6), Судакской крепости (рис. 5, 4, 5) и поселения Кордон-Оба (рис. 5, 7). Помимо пролощенных вертикальных полос, почти все сосуды украшены «гусеничным» или волнистым орнаментом, заключенным между тремя горизонтальными линиями. За пределами полуострова наиболее близок нашим экземплярам пифос из тризны 75 Дмитровского некрополя. Интересно отметить, что они сосуществуют на праболгарских памятниках полуострова с типичными красноглиняными крупными пифосами. В Сугдее они представлены исключительно фрагментами и частями тулова. Интересно отметить, что пифосы, выделенные С. А. Плетнёвой на материалах Дмитровского могильника, имеют орнаментацию в виде вертикальных тонких валиков, расположенных в верхней части тулова [21, с. 138]. Подобные варианты орнаментации в Сугдее не встречены. Не исключено, что ещё одним типобразующим признаком является наличие т-образного венчика, о чем свидетельствуют материалы раскопок Фанагории [43, с. 514, рис. 124, 2–8]. Выделяется пифос из Тиритаки (рис. 5, 3), имеющий высокое, а, самое главное, узкое, по сравнению с другими экземплярами, горло.

Тип VI – миски. Все они обнаружены в Сугдее (рис. 2, 6–8). Первый фрагмент миски с каплевидным отогнутым венчиком (рис. 2, 8), принадлежит к типу чаш, характеризующихся небольшой высотой и широким дном. Исходя из большого количества находок на Правобережном Цимлянском городище [38, с. 515, рис. 24, 1–4], исследователь склонен рассматривать данный памятник в качестве одного из центров их производства отмечая при этом широкий ареал их распространения. Тем не менее, на памятниках салтово-маяцкой культуры данные миски все же единичны [21, с. 127–128; 40, с. 178, рис. 5, 26, 27]. В этой связи интересно отметить, что типологически близкие гончарные миски известны в материалах Волынцевского поселения [28, с. 281, рис. 60, 11] и Битицкого городища. Второй фрагмент (рис. 2, 6) является венчиком небольшого пиалообразного сосуда [40, с. 176, рис. 3, 18; 43, с. 513, рис. 123, 16]. Третий фрагмент (рис. 2, 7) отнести к конкретному типу затруднительно.

Представляет интерес находка фрагментов черноангобированного коричневоглиняного светильника с подлощенной поверхностью из Сугдеи (рис. 2, 5). В нижней части его тулова сделаны крупные треугольные отверстия. Круглые сквозные дырки присутствуют и в верхней части тулова.

Реконструировать форму трудно, но найти аналогии попытаться можно. Одними из наиболее типологически близких являются светильники, выделенные на материалах городища на плато Тепсень (рис. 2, 3) и известные в материалах поселения «Балка Лисовицкого I» в округе средневековой Таматархи [17, с. 488–490; 14, с. 33, рис. 2]. Последние вместо простых отверстий для выхода дыма, были украшены шестиконечными звёздами. Более отдаленная аналогия – светильники на конусовидном основании с подтреугольными или овальными отверстиями для выхода дыма Саркела-Белой Вежи [20, с. 161, рис. 47, 27; 22, с. 229, рис. 77: 1, 2]. Можно предположить, что салтовские светильники-курильницы в виде кувшинов выполняли не столько хозяйственные, сколько культовые функции. Это, отчасти, объясняет их малочисленность в составе керамических комплексов салтово-маяцких памятников Крыма и Тамани.

Подводя итоги, можно отметить, что лощеная керамика салтово-маяцких памятников Таврики, несмотря на всё кажущееся разнообразие форм, четко укладывается в шесть основных типов, хорошо известных в Подонье, Приазовье и на Тамани. Для периода до середины VIII в. характерны кувшины типа I. Сосуды типов II, III, V, VI – встречаются на протяжении всего периода салтовской культуры полуострова. Горшки-корчаги типа IV появляются только в середине IX в. и бытуют до конца существования рассматриваемой культуры. Они значительно чаще встречаются в городских памятниках, а для сельских поселений менее характерны. Связь сосудов типов I–III, V, VI с аланским этносом несомненна, горшки-корчаги более характерны для праболгар. Предложенные типология и выводы носят предварительный характер и по мере получения нового материала будут, конечно, корректироваться.

Список использованных источников и литературы

1. Аксёнов В. С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. № 1–2 / Отв. ред. В. Е. Максименко. Ростов-на-Дону, 2001. С. 62–78.
Aksyonov V. S. Rubezhanskij katakombnyj mogil'nik saltovo-mayackoj kul'tury na Severskom Donce // Donskaya arheologiya. № 1–2 / Отв. ред. В. Е. Максименко. Ростов-на-Дону, 2001. С. 62–78.
2. Атавин А. Г. Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. Вып. 1 / Ред. Я. М. Паромов. М.: б/и, 1992. С. 173–211.
Atavin A. G. Loshchenaya keramika srednevekovoj Fanagorii // Bosporskij sbornik. Vyp. 1 / Red. Ya. M. Paromov. M.: b/i, 1992. S. 173–211.
3. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990. 168 с.
Baranov I. A. Tavrika v epohu rannego srednevekov'ya (saltovo-mayackaya kul'tura). K., 1990. 168 s.
4. Бочаров С. Г. Отчет о раскопках средневекового поселения на холме Тепсень (пос. Коктебель) в 2006 году (раскопы 8–9). Симферополь, 2007 // Архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». Инв. кн. 6, инв. № 1119, папка 1466.

**ЛОЩЕНАЯ КЕРАМИКА САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА.
АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ**

- Bocharov S. G. Otchet o raskopkah srednevekovogo poseleniya na holme Tepsen' (pos. Koktebel') v 2006 godu (raskopy 8–9). Simferopol', 2007 // Arhiv FGBUN «Institut arheologii Kryma RAN». Inv. kn. 6, inv. № 1119, папка 1466.
5. Бочаров С. Г. Отчет о раскопках средневекового поселения на холме Тепсень (пос. Коктебель) в 2006 году (раскоп 6). Симферополь, 2007а // Архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». Инв. кн. 6, инв. № 1123, папка 1470.
- Bocharov S. G. Otchet o raskopkah srednevekovogo poseleniya na holme Tepsen' (pos. Koktebel') v 2006 godu (raskop 6). Simferopol', 2007a // Arhiv FGBUN «Institut arheologii Kryma RAN». Inv. kn. 6, inv. № 1123, папка 1470.
6. Виноградов Ю. А. Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // ЗВОРАО. Новая серия. Т. I (XXVI). СПб., 2002. С. 73–81.
- Vinogradov Yu. A. Saltovo-mayackie komplekсы poseleniya Artyushchenko I na Tamanskom poluostrove // ZVORAO. Novaya seriya. T. I (XXVI). SPb., 2002. S. 73–81.
7. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. № 25: Боспорские города. Т. I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. / Под ред. В. Ф. Гайдукевича, М. И. Максимовой. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 15–134.
- Gajdukevich V. F. Raskopki Tiritaki v 1935–1940 gg. // MIA. № 25: Bosporskie goroda. T. I. Itogi arheologicheskikh issledovanij Tiritaki i Mirmekiya v 1935–1940 gg. / Pod red. V. F. Gajdukevicha, M. I. Maksimovoj. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 15–134.
8. Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. Вып. I. Симферополь, 2001. С. 147–158.
- Zin'ko V. N., Ponomaryov L. Yu. Issledovanie rannesrednevekovykh pamyatnikov v okrestnostyakh poselka Geroevskoe // BI. Vyp. I. Simferopol', 2001. S. 147–158.
9. Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. / при участии А. К. Каспарова, В. Е. Науменко, Д. Ю. Пономарёва, И. А. Пономарёвой, А. В. Поротова Симферополь-Керчь: АДЕФ-Україна, 2009. 328 с. (Боспорские исследования. Supplementum 5).
- Zin'ko V. N., Ponomarev L. YU. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv. / pri uchastii A. K. Kasparova, V. E. Naumenko, D. YU. Ponomareva, I. A. Ponomarevoj, A. V. Porotova Simferopol'-Kerch': ADEF-Ukraina, 2009. 328 s. (Bosporskie issledovaniya. Supplementum 5)
10. Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тошчев Г.Н. Курганные древности Крыма. Запорожье, 1994. 123 с.
- Koltuhov S.G., Kislyj A.E., Toshchev G.N. Kurgannnye drevnosti Kryma. Zaporozh'e, 1994. 123 s.
11. Красильников К. И. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблемы на прабългарската история и култура. Т. 2 / Отгов. ред. Р. Рашев. София: Аргес, 1991. С. 62–81.
- Krasil'nikov K. I. Mogil'nik drevnih bolgar u s. ZHeltoe na Severskom Donce // Problemi na prab"lgarskata istoriya i kul'tura. T. 2 / Otgov. red. R. Rashev. Sofiya: Arges, 1991. S. 62–81.
12. Красильников К. И. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, орнаментика, клейма) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009. С. 99–152.
- Krasil'nikov K. I. Loshchenaya keramika iz stepnogo massiva saltovo-mayackoj kul'tury (tipologiya, ornamentika, klejma) // Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 7. Hazarskoe vremya. Doneck, 2009. S. 99–152.
13. Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004. 316 с.
- Majko V. V. Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v yugo-vostochnom Krymu. Kiev, 2004. 316 s.
14. Майко В. В., Пономарёв Л. Ю. Салтово-маяцкий могильник Конрат на Керченском полуострове (по результатам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. Вып. VII. Симферополь, 2018. С. 294–309.
- Majko V. V., Ponomaryov L. YU. Saltovo-mayackij mogil'nik Konrat na Kerchenskom poluostrove (po rezul'tatam raskopok 2015 g.) // Istoriya i arheologiya Kryma. Vyp. VII. Simferopol', 2018. S. 294–309.

15. Майко В. В. Об одном типе светильников населения Таврики и Тамани салтово-маяцкого времени // Міхєвські читання. Вип. 1. Харків, 2019. С. 30–35.
- Majko V. V. Ob odnom tipe svetil'nikov naseleniya Tavriki i Tamani saltovo-mayackogo vremeni // Miheev's'ki chitannya. Vip. 1. Harkiv, 2019d. S. 30–35.
16. Майко В. В., Сьомин С. В. Аланський середньовічний посуд Криму VIII -першої половини Х ст. // Український керамологічний журнал. № 1. 2003. С. 49–54.
- Majko V. V., S'omin S. V. Alans'kij seredn'ovichnij posud Krimu VIII -pershoї polovini H st. // Ukraїns'kij keramologichnij zhurnal. № 1. 2003. S. 49–54.
- Naumenko V. E. Stolovaya posuda // Zin'ko V. N., Ponomarev L. Yu. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Simferopol'-Kerch', 2009. S. 60–63.
17. Петров П. А., Соколов П. М. Новый тип средневековых керамических масляных светильников из окрестностей Таматархи // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 2018. С. 488–490.
- Petrov P. A., Sokolov P. M. Novyj tip srednekovykh keramicheskikh maslyanykh svetil'nikov iz okrestnostej Tamatarhi // Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazej Evrazii v drevnosti i srednekov'e. НКНKH «Krupnovskie chteniya» po arheologii Severnogo Kavkaza. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Karachaevsk, 2018. S. 488–490.
18. Плетнёва С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 5–7.
- Pletnyova S. A. Srednekovaya keramika Tamanskogo gorodishcha // Keramika i steklo drevnej Tmutarakani. M., 1963. S. 5–7.
19. Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. 198 с. (МИА. № 142).
- Pletnyova S. A. Ot kochevij k gorodam. Saltovo-mayackaya kul'tura. M., 1967. 198 s. (MIA. № 142).
20. Плетнёва С. А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII-X в. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 62–75.
- Pletnyova S. A. Vostochnoevropskie stepi vo vtoroj polovine VIII-X v. Saltovo-mayackaya kul'tura // Stepі Evrazii v epohu srednekov'ya. M., 1981. S. 62–75.
21. Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989. 288 с.
- Pletnyova S. A. Na slavyano-hazarskom pogranič'e (Dmitrievskij arheologicheskij kompleks). M., 1989. 288 s.
22. Плетнёва С. А. Древнерусский город в кочевой степи (опыт историко-стратиграфического исследования) // МАИЭТ. Supplementum 1. Симферополь, 2006. 248 с.
- Pletnyova S. A. Drevnerusskij gorod v kochevoj stepi (opyt istoriko-stratigraficheskogo issledovaniya) // MAIET. Supplementum 1. Simferopol', 2006. 248 s.
23. Плетнёва С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. № 3. С. 279–298.
- Pletnyova S. A., Nikolaenko A. G. Volokonovskij drevnebolgarskij mogil'nik // SA. 1976. № 3. S. 279–298.
24. Пономарёв Л. Ю. Лощеная керамика салтово-маяцких поселений на городище Тиритака и в окрестностях пос. Эльтиген // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007. С. 240–245.
- Ponomaryov L. Yu. Loshchenaya keramika saltovo-mayackikh poselenij na gorodishche Tiritaka i v okrestnostyakh pos. El'tigen // VIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednekov'ya. Svyatilishcha i sakral'nye ob'ekty. Kerch', 2007. S. 240–245.
25. Пономарёв Л. Ю., Пономарёва И. А. Редкие формы салтово-маяцкой nelloщенной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев – Судак, 2010. С. 453–464.
- Ponomaryov L. YU., Ponomaryova I. A. Redkie formy saltovo-mayackoj neloshchenoj keramiki iz rannesrednekovykh poselenij Kerchenskogo poluostrova (predvaritel'naya informaciya) // Sugdejskij sbornik. Vyp. IV. Kiev – Sudak, 2010. S. 453–464.

26. Савченко Е. И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып. I / Отв. ред. И. С. Каменецкий. М.: Наука, 1986. С. 70–101.
- Savchenko E. I. Krymskij mogil'nik // Arheologicheskie otkrytiya na novostrojках. Drevnosti Severnogo Kavkaza (Materialy rabot Severokavkazskoj ekspedicii). Vyp. I / Otв. red. I. S. Kameneckij. M.: Nauka, 1986. S. 70–101.
27. Сарапулкин В. А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: Дисс. ... канд. ист. наук. Липецк, 2003. 203 с.
- Sarapulkin V. A. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo lesostepnogo variantа saltovo-mayackoj kul'tury: Diss. ... kand. ist. nauk. Lipeck, 2003. 203 s.
28. Смиленко А. Т., Юренко С. П. Керамика // Славяне юго-восточной Европы в предгосударственный период. Глава V. Восточные славяне в VIII–IX вв. Киев, 1990. С. 279–290.
- Smilenko A. T., Yurenko S. P. Keramika // Slavyane yugo-vostochnoj Evropy v predgosudarstvennyj period. Glava V. Vostochnye slavyane v VIII–IX vv. Kiev, 1990. S. 279–290.
29. Сокольский Н. И. Кепы // Античный город. М., 1963. С. 97–114.
- Sokol'skij N. I. Kepy // Antichnyj gorod. M., 1963. S. 97–114.
30. Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарёв Л. Ю. Северо-восточный участок поселения VIII–X вв. Гора Чиркова 1: хозяйственные комплексы группы 3 (по итогам раскопок 2015 г.) // БИ. Вып. XXXVII. Керчь-Симферополь, 2018. С. 263–301.
- Suprenkov A. A., Naumenko V. E., Ponomaryov L. Yu. Severo-vostochnyj uchastok poseleniya VIII–X vv. Gora Chirkova 1: hozyajstvennye komplekсы группы 3 (po itogam raskopok 2015 g.) // BI. Vyp. XXXVII. Kerch'-Simferopol', 2018. S. 263–301.
31. Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарёв Л. Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове: хозяйственные комплексы группы 4 (по материалам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. Т. X. Симферополь, 2019. С. 205–248.
- Suprenkov A. A., Naumenko V. E., Ponomaryov L. YU. Poselenie VIII–X vv. Gora Chirkova 1 na Tamanskom poluostrove: hozyajstvennye komplekсы группы 4 (po materialam raskopok 2015 g.) // Istoriya i arheologiya Kryma. T. X. Simferopol', 2019. S. 205–248.
32. Татаринов С. И., Копыл А. Г. Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец // СА. 1981. № 1. С. 300–307.
- Tatarinov S. I., Kopyl A. G. Dronovskie drevnebolgarskie mogil'niki na r. Severskij Donec // SA. 1981. № 1. S. 300–307.
33. Татаринов С. И., Копыл А. Г., Шамрай А. В. Два праболгарских могильника на Северском Донце // СА. 1986. № 1. С. 209–221.
- Tatarinov S. I., Kopyl A. G., SHamraj A. V. Dva prabolgarskih mogil'nika na Severskom Donce // SA. 1986. № 1. S. 209–221.
34. Татаринов С. И., Федяев С. В. Новые раннеболгарские погребения из могильника Дроновка-3 (Лиманское озеро) на Северском Донце // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2 / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. С. 365–374.
- Tatarinov S. I., Fedyaev S. V. Novye rannebolgarskie pogrebeniya iz mogil'nika Dronovka-3 (Limanskoe ozero) na Severskom Donce // Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 2 / Gl. red. A. V. Evglevskij. Doneck: Izd-vo DonNU, 2001. S. 365–374.
35. Флёров В. С. О клеймах салтово-маяцкой лощеной керамики // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 94–102.
- Flyorov V. S. O klejmah saltovo-mayackoj loshchenoj keramiki // Arheologiya i voprosy etnicheskoj istorii Severnogo Kavkaza. Groznyj, 1979. S. 94–102.
36. Флёров В. С. Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София, 1981. Т. 2. С. 170–181.
- Flyorov V. S. Rasprostranenie loshchenoj keramiki na territorii saltovo-mayackoj kul'tury // Pliska-Preslav. Prab'lgarskata kul'tura. Materiali ot b'lgaro-s'vetskata sreshcha, Shumen, 1976. Sofiya, 1981. T. 2. S. 170–181.
37. Флёров В. С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Отв. ред. С. А. Плетнёва. М.: Наука, 1984. С. 142–199.

Flerov V. S. Mayackij mogil'nik // Mayackoe gorodishche. Trudy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoj ekspedicii / Otv. red. S. A. Pletneva. M.: Nauka, 1984. S. 142–199.

38. Флёрв В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 441–516.

Flyorov V. S. Pravoberezhnoe Cimlyanskoe gorodishche v svete raskopok v 1987–1988, 1990 gg. // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 441–516.

39. Флёрв В. С. О технологии изготовления салтово-маяцкой лощеной керамики // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000. С. 111–119.

Flyorov V. S. O tekhnologii izgotovleniya saltovo-mayackoj loshchenoj keramiki // Arheologiya vostochnoevropejskoj lesostepi. Вып. 14. Evrazijskaya step' i lesostep' v epohu rannego srednevekov'ya. Voronezh, 2000. S. 111–119.

40. Флёрв В. С. Лощенные миски, блюда, чаши, кубышки Хазарского каганата // БИ. Симферополь, 2001. Вып. 1. С. 159–184.

Flyorov B. C. Loshchenye miski, blyuda, chashi, kubyshki Hazarskogo kaganata // BI. Simferopol', 2001. Вып. 1. С. 159–184.

41. Чхаидзе В. Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. Т. М., 2006. С. 487–517.

Chkhaidze V. N. Srednevekovoe sel'skoe poselenie na gorodishche Kepy // DB. T. M., 2006. S. 487–517.

42. Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.

Chkhaidze V. N. Tamatarha. Rannesrednevekovyj gorod na Tamanskom poluostrove. M.: TAUS, 2008. 328 s.

43. Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М., 2012. 590 с.

Chkhaidze V. N. Fanagoriya v VI–X vekah. M., 2012. 590 s.

44. Швецов М. Л. Могилики «Зливки» // Проблеми на прабългарската история и култура. Т. 2 / Отгов. ред. Р. Рашев. София: Аргес, 1991. С. 109–123.

SHvecov M. L. Mogil'nik «Zlivki» // Problemi na prab"lgarskata istoriya i kul'tura. T. 2 / Otvov. red. R. Rashev. Sofiya: Arges, 1991. S. 109–123.

45. Швецов М. Л., Санжаров С. Н., Прын' А. В. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время / Гл. Ред.. А. В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. С. 333–346.

SHvecov M. L., Sanzharov S. N., Pryn' A. V. Dva novyh sel'skih mogil'nika v Podoncov'e // Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 2. Hazarskoe vremya / Gl. Red.. A. V. Evglevskij. Doneck: Izd-vo DonNU, 2001. S. 333–346.

46. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 164 с.

Yakobson A. L. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoj Tavriki. L., 1979. 164 s.

Список сокращений:

БИ	- Боспорские исследования
ДБ	- Древности Боспора
ЗВОРАО	- Записки восточного отделения Российского археологического общества
МАИЭТ	- Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
СА	- Советская археология
ХА	- Хазарский альманах

Maiko V.V. Hollow ceramics of the Saltovo-Mayaki monuments of Crimea. Source base analysis

The article considers the cherished gray clay ceramics of the Saltovo-Mayaki monuments of Crimea. It dates from the period of existence of this archaeological culture of the peninsula within the middle of the VIII– the first half of the X centuries. This category of dishes has repeatedly become the subject of special

studies, but has not been generalized in its entirety. Based on the predominance of this dish on the Saltovo monuments left by the Alans in Taurica, it is traditionally associated with this ethnos. In the ceramic complexes of the Saltovo monuments of the peninsula, this utensils is a small percentage. Its main morphological groups were distinguished, the chronology of the existence of which does not always coincide, and it was concluded that not all categories of this ceramics can be compared with Alans.

Keywords: Saltovo-Mayaki monuments of Taurica, hollow ceramics, typology, chronology, distribution territory.